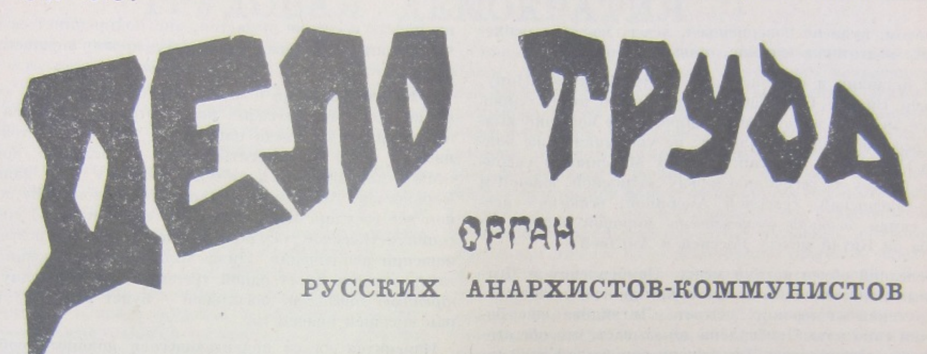
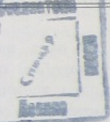
№ 22. ЦЕНА 5 сентов.

№ 22 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e) | МАРТ 1927

ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОЙ ВОЙНЫ

Дух Локарно заряжен динамитом, и если накануне великой бойни 1914 года можно было еще сомневаться в ее взрыве — то сегодня, после всех, так называемых, мирных конференций и деклараций, новая война едва-ли подлежит сомнению. Всякий серьезный обзор происшествий последнего времени либо в Америке, либо в Европе, либо в Азии приводит к одному заключению: капиталистический мир снова провоцирует мировую войну.

В какой бы угол Европы не взглянуть, всюду подготовляется «пацификация». Итальянский фашизм со всей своей энергией «разоружается». В промежутке последних 4 лет число военных аэропланов в Италии возросло с 300 до 1200; «военизация» (говоря стилем Ворошилова) в фашистской стране выразится созданием всесторонне вооруженных армий в течении ближайших нескольких лет. Военный флот Италии считается одним из самых могучих. Словом, как говорит Муссолини: «Италия взорвется». Достаточно прочесть несколько корреспонденцийс итало-французской границы, наблюдать внимательно за всеми арестами военных шпионов и полицейских провакаторов, послушать песнь «черных рубах» (фашистов):

(«Для кого чудная Ницца? Для нас!

«Для кого картечь? Для французов!)

чтобы понять, по какому направлению этот взрыв Италии произойдет. Положение становится еще более напряженным после закрытия французских границ для иностранных рабочих: число безработных, которых Италия обыкновенно экспортировала во Францию, теперь растет необыкновенно в фашистской стране.

Если армия Муссолини подготовляется на французский фронт, то его дипломаты разосланы по Балканам. Недавняя режиссированная из Рима «революция» в Албании и последние дипломатические шаги Венгрии являются доказательством того, как велико теперь влияние итальянского диктатора на ряд европейских стран. Свою «офензиву» ведет Муссолини со свех сторон: на западе впутал он Испанию в Танжерский конфликт с Францией, а на Востоке все более расширяет свое влияние с южной Аравии на Сирию.

Но не только Италия заинтересована в создании военных осложнений в Европе: китайская кампания заставила Англию обратиться в сторону европейских государств и искать союзников. Таким ее союзником против Сов. России является Польша: Англия начала с того, что стремится ликвидировать польско-литовский конфликт в вопросе о Вильно и ищет для себя на Востоке Европы сильного союзника против своего врага в Китае.

Такого союзника она найдет себе раньше всего в Румынии. Бессарабский узел затягивается все более. И достаточно одного только инцидента, чтоб с той стороны вспыхнула война. А не может ли явиться таким «инцидентом» поворот к монархии в Венгрии, о котором в последнее время столько говорят? Стремление Англии к созданию в Европе анти-советсткого блока вышло далеко за пределы Польши, Литвы и Румынии. К такому блоку готовы примкнуть все европейские государства—кроме, может быть, Германии. Италия является после Англии в первую очередь носительницей идей такого блока, что доказала ратифицируя Бессарабскую конвенцию, по которой Бессарабия была присоединена к Румынии.

Словом, куда не повернешься, всюду военная психология, подготовка к войне, ставка на войну.

Но оставляя в стороне фашистскую Италию, Ницу, Танжер, Вильно, Бессарабию и т.д., считая, что это лишь только мелкие, маловажные вопросы, не могущие вызвать всеобщего кровопролития; не упоминая даже войны в Никарагуа, конфликта между Мексикой и Америкой и борьбу за гегемонию между латинской, южной и англо-саксонской, северной Америкой, *остается* все-таки самая *большая возможность* мировой войны; это борьба за Китай между Россией и Англией.

Последний обмен нотами между Чемберленом и Литвиновым доказывает более всего, как далеко зашел англо-русский конфликт. Ответ Литвинова еще более, чем сама нота Чемберлена доказывает, что обе стороны готовы итти на все. Для Англии борьба за Китай является вопросом жизни и смерти. После того внутреннего экономического кризиса, в который Англия погружена, ей суждено будет потерять ее позиции в Китае — что в свою очередь поведет к потере ее колоний во всей Азии; отсюда ясно, что борьба за Китай является для Англии борьбой за ее существование.

Победа кантонцев не возбуждает никакого сомнения, завтра или после-завтра Шанхай падет. А тогда Англии не останется ничего другого, как начать войну за свои концессии и...«цивилизацию». Фактически эту войну можно считать начатой. Вопрос состоит лишь в том, будет ли Англия сама в борьбе против Китая и Сов. России?

Двух союзников может Англия иметь в этой борьбе: Америку и Японию. Америка сама ведь начала борьбу в Китае против европейских концессиий, путем посылки разных евангелических миссионеров, гораздо раньше, чем Карахан и Бородин. Америка пока «наблюдает происшествия», а Япония занята своими делами на севере. Но до поры до времени. Как метко отмечает французский буржуазный журналист Гамон в «Волонте»: «Достаточно, чтоб распространился слух про убийство нескольких японских или американских подданных кантонцами, чтобы Америка и Япония стали на сторону Англии. Но ведь если Англия этого захочет, «кантонцы» убьют более, чем нескольких японских и американских подданных». Разве государствам нехватает проваკаторов, когда речь идет о спасении «европейской цивилизации»?

При распространении этих элементов, которые ведут к новой войне — не надо забыть той большой роли, которую сыграет в ней без всякого сомнения большевистская власть. Не столько ее на это толкнут внешние опасения, сколько внутренние. Это ведь является основной чертой всякого правительства: в тот момент, когда его прочность в стране шатается, оно подкрепляет ее мотивами «национального единства» — против внешнего врага.

Вся дисскуссия о «весне и о осени», о том, «когда весна наступит? сегодня или завтра» — сводится совсем к другому: «когда наш строй так пошатнется, что надо будет схватиться за средство войны». «Мы находимся накануне войны» — заявляет Ворошилов. Внешние опасности и «провокации» до сих пор все государства изготовляли «на заказ». И «первое социалистическое государство» не представит в этом отношении исключения. Лишь только пролетарская диктатура» почувствует одной трещиной больше, одну *внутреннюю опасность* посильней — будет выдвинут призрак внешней опасности.

Изменится ли от надвигающегося поворота событий внутренний большевистский строй, примет ли он форму бонапартизма или буржуазной демократии? Вопрос этот самостоятельный, но здесь надо было подчеркнуть то, что большевистская власть будет одним из авангардов в этих событиях, притом авангардом не пролетариата — а мировой, империалистической войны.

Если элементы, толкающие события на путь войны, так могучи — то напротив те, которые способны ей сопротивиться, почти не существуют. Смешны всякие пацифисты и староники Лиги Наций. Единственной силой, способной воспротивиться войне, мог бы явиться мировой пролетариат.

Но силы его разбиты, изуродованы, потрачены на борьбу политических партий. *Социал-демократия*, понятно, тактики своей не изменит, оставаясь верная идее социал-патриотизма. Это видно из речи Макдональда по поводу китайских событий и русско-английского конфликта. Это видно из проекта «вооруженной нации» социалиста Поль-Бонкура, принятого теперь французским парламентом. И социал-демократы других стран не захотят быть изменниками... буржуазного государства. *Большевистские* партии всех стран без всякого сомнения поддержат политику ВКП (б),т.е. всякую воинскую политику советского государства.

Единственной силой в пролетарском движении, которая могла бы оказать сопротивление новой войне, это *анархо-коммунизм*. К сожалению, наши ряды и наши силы еще так слабы, так неорганизованы, что против империалистической органнизованости не в состоянии выдвинуть пока организованную силу пролетарских масс.

Война до тех пор не будет иметь серьезного врага, пока *анархо-коммунизм* не сплотит своих сил в международной рабочей организации. Сделаем же все для скорейшего осуществления такой организации.

ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ *)

Нет никакого сомнения, что лозунг трудовой демократии есть лозунг рабочих низов, как естественная реакция против произвольной партийной диктатуры в революционной стране и доходящего до невероятных размеров централизма. Как известно лозунг этот подхватили и сделали как будто своим троцкисты и даже меньшевики (рабочая демократия). Даже часть сталинских большевиков говорит о тудовой демократии, считая таковой нынешнюю форму правления в С. С. С. Р. и притом самой правильной формой трудовой демократии, т. е. не нуждающейся ни в каких поправках.

Мы же находим, что ни меньшевики, ни троцкисты, а тем более сталинские молодцы не имеют никакого права облачаться в плащ трудовой демократии, ибо идея демократии перенесенная на эконоческую почву есть прямая противоположность всякого рода государственного давления на рабочие массы и представляет ничто иное, как федерализм в его чистейшей революционной форме.

Зная наше вполне отрицательное отношение к современной буржуазной демократии, возглявляемой идеологами либеральной буржуазии и социал-демократами, т. е. к форме правления царящей теперь примерно во Франции, Германии и Англии, некоторые товарищи могут пожалуй, поражаться нашим утверждением, что идея демократии, перенесенная на экономическую почву, превращается в идею классового и ревелюционного федерализма, признаваемого анархистами. А между тем это так.

Очень легко доказать, что ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции никакой действительной демократии не существует, а лишь ее самый жалкий суррогат, что если аттрибутами идеи демократии является равенство и универсальность, то и первое и второе являются лишь фикциями; что если при капиталистических хозяйственных отношениях голос миллионера при парламентских выборах как будто формально равен голосу последнего нищего, или страдающего от хронической безработицы пролетария,то было бы лицемерием называть такое «равенство» демократией. Короче говоря, идея демократии, т. е. политического формального равенства не может найти своего воплощения в обществе, покоющемся на экономическом неравенстве, т.е. в капиталистическом обществе и находит она свое полное и гармоничное применение лищь в строе экономического равенства при наличии не многих классов, а единого класса, т.е. класса трудящихся или же при отсутствии всяких классов, что в конце концов означает одно и то же. Впрочем непригодность, формальной демократии, ее фиктивность — все это поняли не только анархисты. В последнее время целая плеяда европейских ученых с громкими именами, как Ш.Дюгюи, Г. Жез и др. дали уничтожающую критику формальной демократии. В особанености первый блестяще доказал, что современная формальная демократия не только не есть власть народа над страной или же власть ее большинства, но фактически сводится к власти ничтожного меньшинства над всем многоклассовым и имеющим самые разнообразные интересы населением. Г. Жез же зло высмеял парламентаризм, доказывая, что это есть лишь лишнее средство обмануть народ. Ученые эти, критикуя демократию, все-таки в конце концов ее оправдывают в несколько измененной форме, ассимилируя ее с некоторыми элементами т. н. корпоративного представительства, т. е. представительства классовых сословных интересов, признавая такого рода демократию «наименее плохой формой правления» или «лучшей из всех плохих форм правления». Эти идеологи новой демократии, к которым отчасти примыкает и известный французский государственный деятель Ж. Кайо (сторонник синтеза демократии западного типа с советизмом русского типа), по существу ничего нового не создают потому, во первых, что обходят совершенно молчанием факт экономического неравенства при попытках создания всякого рода концепций политического равенства; во вторых потому, что они являются сторонниками сотрудничества классов (представительство сословных интересов) и солидаризма и в третьих потому что, являются самыми горячими и последовательными сторонниками принципа государственности и в этом сысле примыкают в известной степени к идеям современного фашизма.

Итак, западно-европейский строй можно назвать демократией лишь в очень условном смысле. Во всяком случае нам нечего пугаться этого слова, тем более, что идея демократии, как идея экономического и политического равенства до сих пор ни в какой еще исторической общественной форме не нашла своего полного воплощения.

Идея демократии, лишь перенесенная на класовую почву и ассимилированная с идеей революционного экономического и политического равенства всех трудящихся, т. е. *трудовая демократия* есть полное выражение революционного федерализма —она есть та форма революционного освобождения трудовых классов, которая единственно ведет к социализму, означает высшую ступень самодеятельности и самоуправления трудящихся и противопоставляется нами т. наз. диктатуре пролетариата, фактически сводящейся к *диктатуре кучки интеллигентов над пролетариатом.*

Как было указано вначале нашей статьи , лозунг трудовой демократии признается меньшевиками и представителями оппозиции ВКП, Троцким и Зиновьевым и даже сторонниками Сталица. Вправе ли эти течения хвататься за этот лозунг и является ли он последовательным в их социально-политических системах? Безусловно нет. Для меньшевиков это есть просто напросто ширма, под которой они желают провести и осуществить идею западно-европейской формальной демократии при ставке на рост капиталистических отношений

*) *Дискуссионная.*

в России. В их статьях и заметках в «Соц. Вестн.» сквозит одно стремление создать в России возможность развития простой капиталистической формальной демократии со всеми ее аттрибутами. Об этой демократии и ее аттрибутах мы уже дали специальное исследование («Дело Труда» N11). Как сторонники сотрудничества классов, меньшевики ни в коем случае не вправе пользоваться лозунгом трудовой демократии.

Отнюдь не больше прав пользоваться лозунгом трудовой демократии имеют большевики-троцкисты и большевики сталинского толка. Ибо первые и вторые в одинаковой степени признают необходимость диктатуры над трудящимися, необходимость нажима правительства на все решения рабочего класса, на исход выборов в советы, профсоюзы, фабзавкомы и т. д. , нажим, который фактически означает господство не трудовых классов, а небольшой группы «цекистов. Конечно, всякие разговоры о трудовой демократии при таких условиях — это лицемерие и верх издевательства.

Во вторых, все большее развитие нэпа в городе и в деревне неумолимо ведет Россию отнюдь не к трудовой, а к формальной демократии, на почве которой большевики по всей вероятности споются с меньшевиками. Единственным спасением тех революционных возможностей, которые еще имеются в теперешней России, является ликвидация нэпа и диктатуры путем осуществления трудовой демократии.

Трудовая демократия является политическим лозунгом момента, ближе всего стоящим к анархическому движению, как движению трудового революционнго федерализма.

Осуществление этого лозунга в первую очередь требует раскрепощения рабочих организаций, — профсоюзов, фабзавкомов, советов, — признание равного права на существование за всеми социально-политическими течениями и социально-политическими группировками трудящихся; передачу хозяйственных и политических функций в руки экономических организаций рабочих и крестьян, освобождение из тюрем и ссылок всех революционеров и беспартийных трудящихся и т.д.

И нам, анархистам, следует выдвинуть этот лозунг и не позволить государственным социалистам и душителям трудящихся — большевикам исказить и обезобразить его.

Я. ВАЛЕЦКИЙ.

О ЗАДАЧАХ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

По сию пору некоторые анархисты смотрят на анархическую организацию, как на некоторого рода политический клуб, куда всякий называющий себя анархистом, может войти на правах члена этого клуба и проводить в нем свою идейную, тактическую и всякую иную линию. Мысль о том, что анархическая организация должна формироваться на основе идейного и политического подбора работников, многими до сих пор оспаривается.Раз человек, говорят эти анархисты чувствует и называет себя анархистом, то он вправе работать в любой анархической организации.

Подобным же образом эти анархисты смотрят на анархическую прессу. По их представлению, всякий анархический журнал должен быть к услугам всякого, называющего себя анархистом, должен отражать собою весь веер анархических мыслей и тенденций, возникающих в нашем движении.

В таком взгляде на анархическую организацию и на анархическую прессу имеется известная последовательность. Он характерен для тех анархистов, которые больше всего заботятся о суверенных правах своего «я» в рядах анархизма и меньше всего думают об общих задачах социальной борьбы и социального строительства. Этот взгляд отражает целую эпоху в истории анархического движения, к сожалению, эпоху печальную, характерную крайне хаотическим и беспомощным состоянием наших рядов.

Вполне, поэтому естественно, что с момента, когда возник вопрос о преодолении царящего в анархических рядах хаоса и об осуществлении в рядах анархистов организационных начал и организационных отношений, — возник также вопрос о характере анархической прессы, о ее задачах, о ее «линиях» и «направлениях». Это — логично закономерно. Ибо как только пробудившаяся анархическая мысль рабочих критически заглянула в нашу организационную область и увидела там черную бездну, она немедленно обратила свои взоры и в сторону нашей прессы и нашла там ту же бездну. И тут и там, смешение противоположных принципов, идей и направлений, смешение, держащее анархическое движение в состоянии вечных конвульсий.

Прежний тип анархической организации и анархической прессы являлся смешанным. В нем скрещивались противоположные принципы и направления, нейтрализовавшие друг друга, что делало и организации и прессу по большей части бессильными и бесплодными.

Нынешнее анархическое движение, идущее в озарении опыта русской революции, решительно отвергает и этот тип организации и этот характер прессы. Оно настаивает на проведении, как в организации, так и в прессе, идеи точной анархической программы, точной анархической тактики.

Теперь, когда это движение стремится решительно покончить с состоянием мешанины и хаоса в анархических рядах, необходимо осветить и развенчать самый принцип, на котором держались смешанные организации и смешанная пресса в анархизме. Это тем более необходимо, что сторонники таких организаций и такой прессы пытаются бороться против идущей им на смену анархической организованности, обвиняя последнюю в покушении на чистоту анархических принципов.

Существо вопроса о типе анархической организации

СПОРЫ ЧАСТНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Во всей эмигрантской прессе большой интерес вызвала статья Пешехонова «Опыт национализации».*) В ней автор доказывает, что национализированная российская прмышленность с успехом выполнила возложенные на нее задачи по восстановлению разрушенного войной и революцией народного хозяйства. Успех исчисляется достижением уровня довоенного времении.

Спор этот не должен бы по существу нас касаться, так как он ведется с более правыми, чем сам автор экономистами (буржуазными и социалистическими), которые, если не совсем оспаривают успехов национализированной пропышленноси, то доказывают, что находись восстановление русского народного хозяйства в частно-капиталистических руках, оно дало бы несравненно большие хозяйственные результаты.

Далекие от мысли защищать большевистскую национализированную промышленность, т.е. государственный капитализм, так как он не имеет никаких преимуществ перед капитализмом частным, в смысле точно такого же применения им принципа наемности труда и эксплоатации, мы отметим в то же время, что та «лучшая» хозяйственная политика, которую предлагают пешехоновские оппоненты была бы лучше, но для кого?... никто в этом не сомневается — для тех, в чьих руках она бы находилась, т. е. для капиталистов.

Нас, как революционных рабочих, эти споры капиталистических экономистов меньше всего должны были бы занимать: — мы отрицательно относимся и к частно- и к государственно-капиталистическому хозяйству. Следим же мы за этим спором потому, что в нем кроется еще кое-что, а именно борьба за отстаивание с одной стороны, и за полную ликвидацию с другой — новых начал в русской экономике и во всей русской жизни вообще.

Мы в национализации промышленности не усматриваем пути к социализму, а, наоборот, новую, более крепкую и совершенную форму капитализма, с которым го-

*) *Напечатана в журн. «Воля России».*

и характере анархической прессы тесно связано с существом вопроса о социальной природе анархизма. Является ли анархизм социально-революционным движением трудовых масс или же это только учение о свободе каждой отдельной личности, некоторое *надклассовое* развитие социальной и политической мысли?

То обстоятельство, что анархизм всем могуществом своим отстаивает и утверждает личность в каждом порабощенном и униженном человеке, породило у многих анархистов мысль, что главным и единственным началом анархизма является идея свободы личности, идея постоянного равития и утверждения этой личности. А из этого уже делался прямой переход к практическому выводу. Раз идея свободы личности составляет начало и конец анархизма, то участие в анархическом движении каждой отдельной личности должно выражаться в разностореннем выявлении этой личности. В организациях и в прессе личность должна найти прежде всего свой простор.

Подобный взгляд на анархизм не являлся всеобщим, но он обосновался и закрепился среди интеллигентской прослойки в анархизме, которая благодаря известной способности слова и возможности пользоваться прессой, с успехом отвоевывала место этому своему взгляду и в духе его оказывала свое давление на все анархическое движение. Кроме того, и рабочий элемент в анархизме, считая идею личности подлиной анархической идеей, но не будучи всегда в силах разглядеть, что идея эта является лишь частью общей анархической идеологии, поддавался ее одностороннему толкованию. Тем самым он поддерживал узко индивидуалистические взгляды и навыки в анархизме.

Эти взгляды и навыки постоянно сказывались и в анархической практике и в анархической прессе. Наши организации до последнего времени представлялч собой собрания разноидейного элемента, лишенного одинакового понимания целей и путей анархической борьбы. Наша пресса в большинстве случаев также держалась на разноидейной,«дискуссионной» базе, разрываясь в идеологических, тактических и политических противоречиях. Были, правда, некоторые группы и некоторые органы анархической печати, которые предвидели худой конец такого положения вещей и пытались вывести движение на путь идейного и тактического единства. Но сделать весны в анархизме этим ласточкам анархической организованности не довелось. Смешение и хаос на многие годы возобладали по всему фронту анархического движения.

Результаты на лицо. Идею анархической свободы *для себя*, в своих группах и в своей пр ссе анархисты осуществили. Но они прозевали *процесс социальной борьбы масс*. Прозевали в том смысле, что когда пришел исторический момент социальной революции, они не могли дать ответов на ряд важнейших вопросов, связанных с этой революцией. И вышло так, что хотя втечении многих лет анархисты имели свободную прессу, они тем не менее не выработали своих определенных мнений по важнейшим вопросам социальной борьбы и социального строительства. Они оказались без конкретной программы сегодняшнего и завтрашнего дня, без тактических и политических путей. Это не могло пройти безнаказно для движения. В результате анархизм в Росии оказался отброшенным почти в свое исходное положение, когда он выступал с первыми неувереннными своими шагами.

Коренная ошибка большинства старых анархистов

раздо труднее бороться, вследствие его концентрации в руках одного хозяина государства.

Но то обстоятельство, что национализированная про-
мышленность справляется с задачами восстановления
еще раз подтверждает, что «опыт капиталистов» в нала-
живании прозводства ничего не стоит. Их роль состоит
в вытягивании возможно больших барышей, самое же
производство очевидно может существовать и налажи-
ваться без них. Для тех, кто верил, или вертит и теперь
в роль «зоркого хозяйского глаза» капиталиста-собствен-
ника в существовании и преуспевании промышленно-
сти — этот пример должен быть поучительным.

Однако, мы всем этим отнюдь не хотим сказать, что
нынешнее русское хозяйство построенно *не* на капита-
листических принципах. Наоборот, это то последнее
и является предметом наших нападков. Мы видим, что
весь «прижим экономии» ведется за счет рабочих рус-
кой промышленности и крестьянских низов. Но мы ре-
шительно опровергаем, что русская промышленность
могла быть восстановлена *только* такими капитали-
листическими, эксплоататорскими путями. Те средст-
ва, которые с,едает весь бюрократический торгово-про-
мышленный аппарат могли бы дать возможность рус-
кому хозяйству налаживаться и не «прижимными» пу-
тями.

Русская хозяйственная жизнь восстанавливается исключительно за счет тяжелейших усилий трудящихся России; ни иностранные, ни внутрение капиталы этому процессу не помогали — почему же восстановление идет на пользу капитализму, а не социализму? Что этот вопрос не «еретичен» видно из того, что он возник даже в среде самой господствующей партии. Вся последняя оппозиция компартии отчасти вокруг этого и вращалась. Недвусмысленно ставился вопрос «куда мы идем?» и предлагались разные меры для борьбы с все разливающейся буржуазной стихией, — как повышение цен на промышленные товары, увеличение зарплаты и т. п. Между тем, чтобы понять, почему русское хозяйство идет капиталистическим, а не социалистическим путем, следует обратить внимание на бесправное положение рабочего, когда он не только сам не участвует (кроме приложения физическо-ремесленной силы), в деле производства, но не в силах защищать даже своих классовых интересов, так как лишен независимых профес-

---

заключалась в том, что они не поняли, о какой свободной личности говорит анархизм. Они оторвали личность от процесса общего социального освобождения масс и от этой кастрированной личности проводили нити к анархическим идеалам настоящего и будущего. Благодаря этому они проглядели целый ряд других более существенных начал анархизма и главным образом социальную природу его. Теперь, по прошествии многолетней кривобокой тактики, нашему поколению приходится поправлять эту ошибку. Задача эта не легкая, но для здорового движения выполнимая. Следует лишь вдумчиво вникнуть в социальную природу анархизма и перед нами образуются богатые перспективы развития и укрепления анархического движения.

Да, анархизм отстаивает и утверждает свободу личности. Эта идея находится в кругу его главных идей, но она не является самодавлеющей. Она выводится из более общей и основной идеи анархизма, — из идеи *свободы масс*. Порабощенное состояние широких масс труда составляет основное зло и основной позор современного общества. От этого зла проистекает целый ряд других зол и безобразий в том числе и зло порабощенной личности. Оно и понятно. Раз массы порабощены, — порабощена и каждая отдельная личность, порабощена и самая идея личности.

Анархизм борется за освобождение личности, но не личности «вообще», не личности абстрактной, а реальной, живой личности, составляющей массы порабощенного труда. Поэтому ведомая им борьба за освобождение личности, есть прежде всего борьба, ведомая за освобождение масс, ибо вне свободы масс не может быть свободы личности в анархическом понимании слова.

Нам , таким образом, становится виден тот лес, который упустили из вида анархисты прошлого: *анархизм есть социальное движение масс, направленное к их социальному освобождению и утверждению полной свободы за ныне порабощенной личностью.*

Однако, приведенный принцип накладывает определенные обязательства на каждого участника анархического движения. Он накладывает на нас обязанность коллективной ответственности и коллективного подхода ко всякой анархической деятельности. В свете этого принципа анархическое движение в целом и отдельная его организация в частности, а также анархическая пресса рассматриваются, как органы революционного труда, идущего к освобождению. Раз это так, то вполне определенный смысл и назначение принимают анархические организации и анархическая пресса. И первые и вторая должны быть проводниками анархической идеологии, анархической политики и анархической тактики масс. Чрезвычайно серьезные и высокие требования в этом отношении пред,являются анархической прессе. Она особенно должна быть на высоте их.

Каким образом это достижимо? Единственно путем непрестанного выравнивания и уточнения идеологической, политической и тактической линии анархизма. Мы принимаем участие в анархическом движении не ради клубных удовольствий, а ради тяжелой и ответственной борьбы миллионных масс с современным строем. Так надо же на деле быть ответственными. Надо, чтобы каждый наш шаг, каждое наше слово были строжайшим образом согласованы с общей идеей освобождения масс. Надо, чтобы мы ясно знали, чего мы хотим, каким путем собираемся идти. Надо, чтобы наша пресса отчетливо выражала цель, наши пути и выводимую из них практическую деятельность каждого дня анархизма.

сиональных организаций. Хозяйственная жизнь руководится сверху разложившейся и переродившейся партией, а фактически ведется чиновниками, часто из бывшей буржуазии, и спецами, без малейшего *рабочего контроля*. Это обстоятельство да еще при наличии полного политического бесправия не могло послужить силой, толкающей экономику на социалистический путь. Если из сферы влияния на хозяйственную жизнь вытолкнуты два единственно-заинтересованных в социализме класса, как пролетариат и неимущее крестьянство, то иных результатов ожидать нельзя было, при каких бы то ни было экономичесских возможностях. А путь нынешний, конечно, очень скользок и может весьма легко перейти на частно-капиталистические рельсы.

А потом...? появятся всякие историки русской революции и станут утверждать, что социалистический опыт не выдержал хозяйственной и жизненной критики. Таким критикам можно будет смело ответить,что такого опыта вообще говоря вовсе и не было. Пешехонов, тот уже теперь говорит: «Попытка большевиков сразу осуществить социализм, окончившаяся так печально, многому должна научить нас». «Большевики не на технике потерпели крах, а на психологии. Они пробовали передать фабрики и заводы в руки рабочих — и что же получилось? Не нашли они никакой опоры для социализма в психике служащих, техников и специалистов. Нужно, чтобы служащие и рабочие стали смотреть на хозяйственную деятельность не с точки зрения личных своих или каких-либо частных интересов, а с точки зрения всего общества, чтобы рабочие в частности думали не только об улучшении своего материального положения, но и об успехе производства. Государственное производство и дает возможность воспитывать психику служащих и рабочих в этом направлении».

Напомним Пешехонову, что ни он, ни мы никогда не не видали промышленности в руках рабочих производственных организаций; и во времена «военного коммунизма» вся хозяйственная жизнь вообще и промышленность в частности руководилась коммунистической партией, а не рабочими организациями. Правда, если рабочие в те годы имели несравненно большее влияние в производстве чем теперь, то не следует забывать, что в годы гражданской войны налаживать производство, да

Такова постановка вопроса. Сущность его сводится к тому, должны ли мы в нашей прессе попрежнему обходиться без определенной идеологической, тактической и политической линии, довольствуясь случайной игрой мнений и беспочвенными дискуссиями, или же мы должны иметь такую линию? Надеемся, что произведенное исследование показывает, что анархизму жизненно необходимо иметь такую линию и в области практической деятельности и в прессе, являющейся самым могучим средством анархического движения. Отсутствие такой линии не раз ставило анархическое движение на край гибели, отняло у него массу сил и напрасных жертв и по сию пору грозит роковыми последствиями. Непостижимым становится, как такое революционное и социально-проникновенное движение, как анархизм, столь долгие годы обходилось без самого главного и нужного для него — без точной идеологической и тактической программы. Теперь он должен обрести ее. Первый шаг сделан. Довольно хаоса и случайной необоснованной трескотни. Наша пресса, как и все наше движение, обязаны иметь определенную линию движения и на этой линии группировать анархическую мысль, а вслед за тем и мысль широких масс труда. Ребячески поверхностной является мысль некоторых товарищей, предлагающих вместо нескольких различных органов анархической печати создать один общий дискуссионный орган. Этот дискуссионный орган сведет воедино всех любителей дискуссий и то, что мы считаем патологическим явлением в анархизме — случайные, беспочвенные и бесконечные споры, расширит до необ,ятных размеров и лишь катастрофирует анархическое движение. Нам не нужны ни отдельные спорящие между собой органы, ни общий дискуссионный орган, который повел бы дискуссию в универсальном размере. Нам необходима пресса, которая позаботилась бы нащупать основную линию анархического движения и имела бы смелость открыто ее формулировать и провозгласить.

Даже «свободная трибуна» в такой прессе не всегда возможна. «Свободная трибуна» предполагает некоторое колебание или даже отсутствие общей линии по ряду важнейших вопросов. Между тем серьезный орган анархичес. прессы всегда должен иметь эту общую линию по ряду важнейших вопросов и служить ей, а не отдавать свои силы на дискуссии, порою случайные. Во всяком случае, «свободная трибуна», с нашей точки зрения, допустима лишь в пределах разногласий, имеющихся среди сторонников того движения анархизма, выразителем которого является данная пресса. В отдельных случаях могут быть, конечно, и исключения.

Лишь на путях установления основной линии анархической мысли и анархической тактики наше движение изживет тяжелый недуг и обретет необходимую ему силу и мощь. Этой задаче анархическая пресса должна отдать свои усилия. Всякий анархический орган, прежде чем возникнуть, должен дать себе отчет в этом, должен помнить об этой задаче и больше всего должен бороться с идеологическими и тактическими противоречиями, раз,едающими наше движение.

Анархизм диференцируется, определяется. В ходе социальной борьбы масс он стремится занять определенные идейные и тактические позиции. Задача нашей прессы — ясно формулировать эти позиции и пути анархического движения и группировать на них силы анархистов и силы борющегося труда.

П. АРШИНОВ

еще по совсем новым путям было весьма трудно, если не совсем непосильно для кого бы то ни было.

Тот же факт, что большевики будто не встретили в процессе осуществления социализма поддержки со стороны рабочих, конечно не верен. Мы, наоборот, убеждены, что если бы рабочие имели больше сил и влияния к моменту введения нэпа, они бы безусловно воспротивились этому. А Октябрь, понятый ими, как подлинный переход всей экономики в их руки, они сами же совершили.

Далее — воспитывает ли государственная промышленность «социалистическую» психику у рабочих и служащих? Мы думаем, что не воспитывает. Рабочего не спрашивают и не слушают на заводе; интересно знать, в чем Пешехонов видит воспитательный процесс рабочей психики в социалистическом смысле?

Мы видим, таким образом, что частный и государственный капитализм борятся за господство и право угнетать пролетариат.

Из этого спора трудовым массам надлежит сделать соответствующий вывод: ни государственный и ни частный капитализм, а борьба за подлинный переход экономического управления жизни в руки рабочих масс, и установление новых экономических отношений на основе равенства всех причастных к ним элементов, — вот задача дня.

И. М.

БОЛЬШЕВИКИ И НЕМЕЦКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Немецкие социал-демократы, ведущие беспощадную борьбу с большевиками, получили недавно новое мощное оружие пропаганды против своих противников. Их разоблачения факта снабжения русскими большевиками немецкой армии т. н. рейхсвера оружием — взволновали и возмутили против большевиков все трудовое население Германии. Дело было обставлено социал-демократами с расчетом произвести максимальный эффект. Сам лидер их, Шейдеман с трибуны рейхстага начал нападение, и с тех пор продолжают доставляться материалы, доказывающие почти неопровержимо, что русские большевики доставляют оружие для немецких войск. Чтобы понять всю справедливость возмущения рабочих масс этим, следует не упускать из виду особый характер германского рейхсвера. Это — стотысячная армия наемной солдатчины, рекрутируемая из самых реакционных и отсталых слоев населения. Ввиду отсутствия всеобщей воинской повинности, состав армии остается всегда неизменным, (солдаты подписывают контракт на 15 лет) и благодаря этому легко поддается постоянно действующему на него влиянию реакционного офицерства. Кроме того, ввиду того, что внешних конфликтов Германия силой оружия разрешить не может, сами задачи рейхсвера ограничиваются поддержанием «спокойствия» в стране. Все это делает рейхсвер оплотом самой черной реакции. При нем же, полулегально, но с ведома и поощрения военного министра Гесслера существует т. н. черный рейхсвер, т. е. черные сотни, ведущие борьбу с рабочим движением при помощи террора.

И вот оказывается, что эту армию большевики вооружают, посылая ей целые пароходы со снаряжением, и содержа для нее в Советской России фабрики военных снаряжений. Это доказывает, что русские большевики находятся в тесном союзе с немецкими реакционерами. Истина эта далко не нова. Еще в 1923 году большевики затеяли идеологический флирт с германскими погромщиками. Тогда центральный орган немецкой компартии «Rote Fahne» любезно предоставил свои страницы лидеру рассистов известному черносотенцу графу Ревентлову, ведущему диспут с Карлом Радеком. Смысл этого диспута заключался в том, что каждая сторона пыталась переубедить и переманить к себе своих противников. Эти поучительные статьи были даже впоследствии изданы особой брошюрой. Однако большевики увидели, что этот флирт завел их слишком далеко. Радек за излишнее усердие получил такую нахлобучку из Москвы, что не может от нее и до сих пор оправиться. Вопрос союза с немецкими реакционерами был перенесен из области идеологической в область «государственную» и разрешен в положительном смысле. Тут играли роль разные авантюристические планы советской власти, вроде нападения на Польшу и т.д., в которых немецкие погромщики должны были им помочь. Словом, легкомысленный политиканствующий флирт был превращен в крепкую взаимную любовь уже с солидным фундаментом «государственной целесообразности». И ради этой «целесообразности» большевики вооружают немецкую армию, которая повторяем, является простым оружием в руках реакции. В действительности же большевики совершают страшное преступление по отношению к германскому пролетариату. Ибо в случае восстания рабочих, рейхсвер будет его подавлять, пользуясь большевистским оружием. Таким образом, сами большевики, вооружая злейших врагов рабочего класса, подготовляют новую бойню рабочих и содействуют победе реакции. Они становятся убийцам рабочих — об этом свидетельствуют разоблачения.

Но история разоблачений имеет еще одну поучительную сторону. Кто выступал с обвинениями против большевиков? Выступал социал-демократ Шейдеман, тот самый Шейдеман, который подавлял германскую революцию. Эберт, Шейдеман, Носке — эти имена сознательный немецкий рабочий произносит с презрением и ненавистью. Можно смело сказать, что ни одна партия в мире так подло, так откровенно не изменяла рабочему классу, как это сделала германская социал-демократия

во время восстаний. Это она вооружила реакцию, это она установила беспощадный террор, и по ее приказу тысячи рабочих были расстреляны на улицах Берлина. Под покровительством господ Шейдеманов и Носке были организовны такие организации, как «Консул» и «Оргеш», ставившие своей целью систематическое убийство сознательных рабочих. И на улицах Берлина социал-демократы расклеивали об,явления, призывая население убивать вождей восстания. Так аршинными буквами и писали они «Убивайте их».

В своем цинизме они не стеснялись сами себя разоблачать, открыто заявляя о своих преступлениях. Когда Эберта, ставшего уже президентом республики, обвинили в государственной измене на том основании, что он входил во время революции в стачечный комитет, этот самый Шейдеман заявил, что социалисты входили в стачечный комитет исключительно, чтобы сорвать стачку, чтобы принудит ь рабочих к сдаче и тем спасти Вильгельму его трон. Последний говорил, что социалисты спасли тогда государство от гибели, и что не будь их,социалистов, рабочие бы победили... А Носке, друг Шейдемана, на совести которого 15.000 растрелянных рабочих, цинично заявил: «Я вполне отдаю себе отчет в том, что я в германской революции прослыву кровожадной собакой (Blutshund)». Более подходящего для себя названия Носек и найти бы не мог. Такова была немецкая социал-демократия во время революции.

Теперь, когда благодаря усилиям социал-демократов партия Вильгельма снова пришла к власти, эти политиканы начинают играть в «оппозицию» и чувствовать прилив любви к рабочему классу. Эта новая любовь толкает их при помощи разоблачения своих конкурентов добиться доверия немецкого пролетариата. Значит ли этот маневр, что эти кровожадные собаки революции расскаялись в своих прошлых преступлениях? Конечно, нет. Это только показывает, до какой степени велико их лицемерие и ложь, как беспринципны их обращения с рабочим классом. Неужели они думают, что интернациональный и немецкий рабочий класс уже забыл их прежние преступления, забыл братские могилы расстрелянных товарищей. Рабочий класс знает настоящую цену искренности господ Шейдеманов по опыту...

И великая трагедия немецкого рабочего класса заключается в том, что одна «рабочая» партия (большевики) уже заблаговременно вооружает реакцию. А когда придет революция, это будет вторая рабочая партия, которая будет руководить реакциею, с целью удушения революции, расстрела рабочих. Каждая из низ старается не быть превзойденной другой в день измены рабочим интересам. И в этом отношении обе хороши...

Я. ЛИНСКИЙ.

ДЕМОКРАТИЯ, ФАШИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

(Начало и конец реакции)

Постановка вопроса.

Редко какой вопрос имеет такое значение для тактики анархо-коммунистов, как вопрос о демократии. Вопрос этот замалчивали более всего в послевоенной анархической литературе. Замалчивание его приводит только к таким чудовищным извращениям, как «анархо-республиканизм». Вот несколько примеров:

Во время выборов во французский парламент, 11 мая 1924 года, когда образовался «левый блок» буржуазных партий с социалистами, для проведения политики мира — в целом ряде анархических групп французской федерации начали раздаваться голоса, что анархисты должны, мол... голосовать за «левый блок» в парламенте, потому, дескать, что он «проведет амнистию и что демократия все-таки лучше, чем реакция». Странно, но это был факт, который проник в анархическую прессу.

В итальянской политической эмиграции во Франции, после победы фашизма, образовалось движение так наз. «гарибальдизма» (во главе, между прочим, с тогда еще не разоблаченным провокатором, Ричиоти Гарибальди). Гарибальдизм старался об,единить всех политических эмигрантов: республиканцев, социалистов, коммунистов и анархистов в борьбе против фашизма. Целый ряд анархических групп к этому движению примкнул и образовался — как говорит Армандо Борги — «ревизионизм минималистов». Появилась чудовищная теория про «исключительные времена», при которых можно «загнуть принципы для борьбы за политическую свободу». Вспомнили, что... первые итальянские «анархисты», Фанелли и Фриция были одновременно депутатами...

Наконец, в испанской среде, где буржуазия, как носительница демократии не существует, появилась снова странная теория, что «республика буржуазная это неминуемый этап истории.». Эта «тенденция» даже проявляла себя на конгрессах (Лионский конгресс), пока не была в последние времена осуждена на конгрессе в Марселе. Странно? — Но вот в теоретическом органе испанских анархистов «Accion» (номер 5-6, декабрь 1925г.) пишет один из вождей анархо-коммунистов Optimo: «Надо» — прежде всего — «дать возможность демократам доказать практически, кто они и какая их роль, чтобы путь был потом чист для пролетариата».

Этих примеров достаточно, чтобы видеть, как велика опасность либеральничанья анархистов, как слабо определена еще та грань классовой борьбы, которая разделяет либерализм от анархизма. Должна быт проведена *идейная чистка* наших рядов от этого буржуазного мусора, как и *организационная* чистка от тех либералов-

анархистов, которые к сожалению, еще имеют честь заседать (вместо парламентов) в анархических комитетах.

Надо определить, чем является современный либерализм, его носительница — послевоенная буржуазия, и ее социальный строй — демократия. Вопрос не столько теоретический, сколько связанный с ежедневной тактикой революционной организации.

Демократия и фашизм — это зародыш и усовершенствование реакции. Две политические ступени развития реакции. И вместе с этим интересно будет сопоставить другую государственно-насильственную форму: большевизм.

При этой попытке — и только — ответа на одну из самых серьезных проблем анархо-коммунизма надо указать, что в нашей литературе последних двух десятков лет нам знакомы только две серьезные работы, посвященные этому вопросу, обе Луиджи Фабри: «Диктатура и революция» (1921 г) и «Преждевременная революция. Размышление анархиста о фашизме». (1922г) Эта последняя есть бессомненно одна из лучших работ, посвященных развитию фашизма.

Послевоенная демократия.

Говоря про демократию, мы разумеем, понятно, не ту политическую форму, которая существовала в древней истории или в начале новой в целом ряде свободных городов, — но ту политическую форму, которой в период развития современного капитализма и государства придерживается определенный социальный класс, буржуазия.

Демократия, на разных ступенях развития капитализма, и вместе с этим, буржуазия меняла свои формы. Поэтому и демократия круто изменила свое социальное значение и поэтому приходиться ее рассматривать снова. *Послевоенная либеральная буржуазия перестала быть классом* самостоятельным, *независимо активным политически*. Либеральные партии, либеральная политика — везде рушились, и даже их вожди потеряли веру в попытку восстановить ее. Мелкая буржуазия *играет теперь такую же роль, как играло в свое время крестьянство*: она в силах только поддерживать политику и борьбу одного из двух крыльев: мирового империализма и мирового пролетариата.

Англия и Франция — несомненно две страны классического либерализма и господства демократии. И именно в этих двух странах виден более всего распад, полный упадок политических сил мелкой буржуазии.

Что осталось от мощной раньше английской либеральной партии? — Часть ушла в рабочую партию, часть в консервативную. Борьба этих двух крыльев обострилась. Лойд-Джордж явно кокетничает с рабочей партией, предлагая ей самые большие уступки, отказываясь от своей независимой политики либерала При всех последних выборах в Англии выигрывают и консерваторы и социалисты: теряют либералы. Старая традиция борьбы *двух* партий в Англии смела либералов.

А Франция? — Партия радикал-социалистов — при выборах 11 мая 1924 года получила огромную победу. Но получив власть в свои руки, она никакой самостоятельной политики провести не сумела. Имея в парламенте большинство, она была вынуждена уступить власть фактическую консервативному меньшинству, против которого при выборах боролась. Это значит, что французская либеральная, т.е. мелко-буржуазная пэртия *обанкротилась*.

Достаточно взять карту в руки, чтобы видеть, что везде — кроме скандинавских государств — где существует теперь прочный демократический строй, мелкая буржуазия политичекси банкротится.

Англия? Франция? — Но при перспективах развития того либерализма, который демократию лелеял, разве все демократические институции не являются тем непрочным, плохо построенным зданием, которое при первой буре распадается?

Послевоенная мелкая буржуазия — бессильный класс. Послевоенная демократия — живой труп. Но чтобы доказать более ясно невозможность перспектив дальнейшего развития демократии и непрочность всякой строящейся на ней политики, надо вернуться к первому вопросу: что такое демократия.

Что такое демократия?

Если повоенная демократия является более всего ослабленной, потерявшей всякие исторические перспективы, и только подготовительницей диктатуры, — то демократия вообще, на пути своего исторического развития была ничем иным, как периодом *неразвитой, но возрастающей диктатуры буржуазии и крупного капитала.*

Говорить, что демократия это «состояние равновесия классов, при полной политической свободе» могут лишь совсем чуждые рееальным обстоятельствам профессора, и с ними, понятно, социал-демократы. «При всякой форме государство является выразителем интересов одного класса против другого... Фашизм в Италии есть наиболее яркий пример этого: окончательное погребение демократического понимания государства» (Л. Фабри).

Демократия не опирается на какую-бы то ни было социально-реальную силу, она существует не из-за силы *мелкой буржуазии, а из-за слабости капитализма*, который усыпив этой сладкой иллюзией рабочий класс, собирает свои силы. Но разве и эта же мелкая буржуазия не дала пример того, как и она жаждет диктатуры? Разве не она подготовила декабрь 1848 года в Париже и потом переворот Людвига Бонапарта 2-го декабря 1851г.

Некоторые усматривают всю силу демократии в масостоятельных административных институциях как деревенские и городские самоуправления, в которых иные хотят даже видеть начало, безгосударственного общества. Но здесь достаточно привести лишь один пример: в конце октября и начале ноября1920 г. во время выборов в Италии социалисты захватили около 3.000 самоуправлений. Но раз-

ве это было препятствием к победе фашизма? Наоборот: «это было еще одним толчком для господствующих классов толкнуть фашизм на путь нелегальности». ((Л. Фабри).

Демократия не сопротивляется диктатуре, потому что она ее из себя нарождает, лелеет , воспитывает: ни испанская конституция, ни польский сейм, ни литовский не были в силах противиться реакции. Они ее пассивно подготовили. « В сумме, ни в каком случае, ни с какой точки зрения государство не с силах — ни в позитивном, ни в негативном смысле — сопротивляться наступлению фашизма» (Л.Ф.)

Потому нелеп весь вопрос: Что лучше — демократия или фашизм? Разве можно поставить вопрос, что лучше: подготовка офензивы врага, или сама офензива? Вопрос надо поставить иначе: так как демократия ничто иное, как подготовка реакции, какие средства надо принять, чтобы ей противиться? Потому что ни демократия современная , ни реакция не являются двумя различными организациями государства. Это две степени того же самого процесса: рост сил реакции и ее завершение.

Из этого основного положения вытекает целый ряд выводов в области революционной тактики.

Раньше всего из этого ясен вывод о роли анархо-синдикализма, как вообще всякого синдикализма в борьбе против реакции. За последнее время усилилась в наших рядах «ставка» всех наших революционных позиций на синдикализм. Эта «ставка» на синдикализм совершает ту саму ошибку, которую в основном совершила социал-демократия. Если программу социал-демократии принимать, как принцип незыблимого, твердо построенного демократического строя, то ведь всякая синдикалистическая программа — в том числе и анархо-синдикалистическая — обусловлена существованием режима политической «свободы», т.е. демократии. Без нее синдикалистическая организация масс немыслима. Но весь этот строй, без которого синдикалистическая программа немыслима, так неустойчив, он так часто меняется сильной реакцией, что сама ставка на *один* синдикализм оказывается очень рискованной.

Первой заботой фашизма в Италии было разогнать синдикалистическое движение, которое ему противостоять не сумело. Снова обратимся к Л. Фабри:

«Когда фашизм начинал свою офензиву в 1920 году, первые организации, которые он разгромил не были социал-демократические партии, а были биржи труда и кооперативы, которые большей частью принадлежали социалистам, но к которым примыкали рабочие разных партий и беспартийные. Первую атаку фашисты произвели не на большевиков, а на пролетариат в целом».

«Там, где как в Реджо Эмилиа и Модена влияние имели реформистские организации, разгром был совершен и у них. В Болонии и Фераро организации максималистов-унитариев; В Гревецо республиканские организации. В Бергамаско — католические синдикаты, в Карaро и Валдарио анархические организации и. т. д. и. т.д. Словом, итальянская реакция разгромила *все* рабочие синдикаты, без различия их принципов и тенденций.

Вот почему «ставка» на синдикализм является недостаточной. Это не значит, что надо отрицать значение синдикализма, как одну из форм рабочего движения. Это значит только, что не надо *преувеличивать* его значения, считая, что синдикализм, даже в его революционной, анархической форме способен разрешить всецело социально-революционую проблемму.

Естественно поэтому, что именно в странах, где анархо-сндикализм был массовым движением, и где реакция его смела, он тоскует по «политичским свободам»,т.е. по той политической форме, по демократии, в которой его развитие возможно. Отсюда весь «демократический уклон» нек. элементов испанской Конфедерации Труда; отсюда целый ряд либеральнических ошибок португальской конфедерации труда.

Другой вопрос, тоже в области революционной тактики, который у нас выдвинули: это в борьбе с реакцией, должны ли анархисты итти рука об руку с демократией или нет?

Вопрос этот уже в корне своем неправильный. Если бы демократия и ее класс искренно хотели воздействовать на реакцию, ее бы и не было. Но теперешние «республиканцы» не хотят респулбики» — как метко заметил Малатеста. Буржуазия в большинстве случаев пассивно принимеат волну реакции, которую ведь она сама подготовила.

В борьбе с реакцией рабочий класс — в широком понимании этого слова — не может ни с кем соединяться именно потому, что кроме него такой социальной силы, которая искренно хочет конца реакции нет. Вне его — маленькая кучка обанкротившихся политиканов, которым он нужен, как пушечное мясо.

Поэтому и борьба с реакцией не может итти по линии борьбы за демократию. Напротив, именно всякая борьба против современной формальной демократии является уже борьбой с реакцией в ее зародыше.

(*Продолжение следует*)

М. РАНКО.

КАК ЛГУТ БОЛЬШЕВИКИ

(Правда об анархисте Железнякове)

Известный присяжный большевистского царства Бонч-Бруевич в своих мемуарах подло оклеветал тов. Анатоля Железнякова. Несмотря на то, что этому пресловутому Бончу была хорошо известна славная роль тов. Железнякова в революции и что для большевиков он был слишком заметным человеком до самой его смерти, он тем не менее прибег в своих мемуарах к клевете и приписал вышедшему из низов народа титану революции имя бандита, *убитого, якобы, в Черниговской губернии в столкновении с отрядом красноармейцев.*

Эту заведомую ложь Бонч-Бруевича разноцветная пресса на эмиграции подхватила и разносит не зная ни т. Железнякова, ни тех его устремлений, за которые он боролся и умер на передовом посту революции, как бесстрашный борец ее.

Тов Анатолий Железняков — матрос Черноморского флота. В 1917 году он был послан черноморскими матросами в качестве делегата к революционным матросам Балтийского флота и прибыл в гор. Кронштадт. Активность и решительность революционных моряков Балтики и всех рабочих, анархистов и революционеров приковали его внимание и он остался с ними работать.

Во время нападения агентов Временного Правительства на бюро анархистов на даче Дурново, завершившегося арестом многих анархистов и убийством тов. Асина, Железняков, не желая подчиниться произволу, оказал вооруженное сопротивление им, в результате которого был все-таки схвачен и арестован вместе с другими анархистами, откуда он бежал и снова взялся за работу по подготовлению востания против Временного Правительства за расширение и углубление революции.

Во время октябрского переворота Железняков был на передовых позициях. Правда, уже в это время большевики определив его влияние на массы, стремятся из всех сил использовать его. Он назначается комендантом Зимнего Дворца. Но за это нечего винить Железнякова. Скорее нужно винить нас всех, выявивших даже в момент революции неспособность организоваться и организованно, как того требовал момент революции, подойти к трудовым массам и увлечь их за собой на свой путь борьбы за революцию. На этом пути непримиримый бунтарь Железняков выявил бы себя полностью и исключительно во имя торжества анархического движения.

Порукой тому, что именно так, а не инач было бы с Железняковым, если бы наше движение имело свои организационные пути в революции, служит то, что он все время своей боевой деятельности оставался непоколебимым в своих анархических убеждениях. С этими убеждениями он выступил перед революцией и сыграл главную роль в разгоне Учредительного Собрания. Исторически совершить этот факт было необходимо. Тов. Железняков совершил его.

И мы сожалеем лишь о том, что Железняков, имевший за собой прислушивавшиеся к нему революционные массы, не разогнал вслед за Учредительным Собранием и Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. Исторически это также было необходимо, так как это помогло бы во время расшифровать замаскированного душителя революции.

Итак Железняков сыграл свою историческую роль в русской революции. Большевики эту его роль целиком поддерживали. Но когда он и далее оставался самим собой, не поддающимся влиянию партии, тогда полицейский глава Северной коммуны об,явил его вне закона. Это принудило т. Железнякова на некоторое время уйти в деревню. А когда самодурство полицейского главы было выяснено в самом центре и отменено, он ушел на украинский фронт против Деникина. Здесь он организовал бронепоезд и с ним вошел в линию огня контр-революции между гор. Николаевым и ст. Долинской и там в борьбе с деникинщиной он умер смертью храброго героя-революционера.

Тело его было перевезено в Москву и там похоронено с особыми почестями.

Над могилой его был произнесен ряд надгробных речей как анархистами, так и большевиками. И пресловутому Бонч-Бруевичу это было известно, ибо большевистская пресса посвятила ряд некрологов памяти революционера-анархиста Железнякова. Лишь по прошествии 6 лет господа большевики находят для себя лучшим подличать и лгать на славное имя анархиста Железнякова, а вместе с этим и на самую идею анархизма.

Правда, подлость и ложь не порок в большевистском обиходе и Бонч-Бруевич не научился ничему лучшему в большевистском царстве.

Н. МАХНО.

ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА УПАДКА

(Письмо из Америки)

Я помню хорошо восемнадцатый и девятнадцатый годы в Северной Америке. Тогда русское революционное движение безвластного направления было широко развернуто, в группах было по несколько сот членов, собрания и митинги были многолюдными, везде имелась доверчивость и разногласий почти не было.

Если присмотреться к среде русских анархистов в Америке в настоящее время, то приходится видеть совсем

не то, что было раньше. Везде наблюдается недоверие и упадок духа.

Каковы же причины этого? Главная причина, вкоренившаяся среди наших передовых товарищей и учителей анархических идей то, что многие, более развитые товарищи стараются щегольнуть своим знанием один перед другим, отчего возникают нездоровые отношения, и начинают соперничать и каждый выставляет лишь свое «я». И вот все это выставление своего «я» сильно отражается в группах. Создаются трения, от которых группы начинают сильно страдать, пошатываться, некоторые работники разочаровываются и уходят, а некоторые начинают работать «индивидуально», что тоже мало приносит пользы.

Затем, если одна группа анархистов выпускает свой орган, другая группа анархистов выпускает другой. Делаются разные нападки друг против друга, стараются свое «я» возвысить, а «я» другого убить. Вот это главная причина раздоров и упадка движения. Далее есть причины и другие, но не столь уж важные. Я хочу сказать словами Л. Н. Толстого: «если хочешь учить крестьянина, то нужно прежде самому поучиться у него». Ведь мы все почти безграмотные. С нами как видно мало считаются авторы статей в рабочей печати. Эту печать приходится распространять в среде рабочих, малограмотных, которые читают лишь по складам, а в наших органах статьи пишутся так высоко, что нужно разбирать окончившему университет, а малограмотным они совсем непонятны и скучны. И это сильно отражается на распространение наших изданий, это тоже причина и довольно серьезная. И я советую всем авторам, писать как можно проще.

Далее идет причина распыленности наших сил на несколько категорий. Надо создать одно анархическое движение и единый анархический фронт, от этого может улучшиться наша печать и наша организованность. Если взять наших товарищей итальянцев, испанцев, то увидим, что у них издается ряд органов безвластного направления.

А мы не можем и одного поставить на высоту. Не надо стремиться создавать другой, если первый хромает; поддержать первый и когда он окрепнет и станет на ноги стойко, тогда приступить к созданию другого и т.д. Но при журнале должна быть и своя газета ежедневная, посредством которой можно бы вербовать новых товарищей в свои ряды.

Унас была таковая в Америке под названием «Американские известия», которые, к сожалению, переродились в «Рассвет». А «Рассвет», как известно, покатился вниз по дорожке и дошел до болота, из которого и не вылесть более.

Мы все должны знать, что путь наш тернистый, но мы должны пройти его. И если мы будем действовать в одиночку, мы погибнем на этом пути. Для прохождения этого пути необходимо сплотиться в единый союз и тогда только мы сможем проторить дорогу к свободному обществу, где не будет ни рабов, ни господ и где свободные труженники вольно будут строить новую жизнь.

И. ШАКУЛА.

РОССИЯ

ГОЛОДОВКА АНАРХИСТОВ В ТОБОЛЬСКОМ ПОЛИТИЗОЛЯТОРЕ

По сообщениям бюллетеня заграничной деллегации РСДРП в Тобольской тюрьме разыгралась новая драма. В конце сентября прошлого года управление политической тюрьмы в Тобольске сделало попытку сделать еще более строгим существующий там режим. Заключенные в тюрьме анархисты оказали сопротивление этим новым мероприятиям и были подвергнуты за это различным наказаниям. Протестуя против них, 26 заключенных анархистов об,явилии голодовку. После девяти дней голодовки требования о восстановлении старого режима и об освобождении от наказания заключенных, оказавших сопротивление — были удовлетворены. Однако, через несколько дней анархисты Гуревич и Аксельрод были перевезены в Москву, там об,явлены уголовными преступникаим и сосланы на Соловецкие острова. Подобный же случай разыгрался в Ярославской политической тюрьме, где эсер Сорокин также был об,явлен уголовным и сослан на Соловки.

Подробности инцидента в Тобольском политизоляторе

В камере N6 Тобольского Политизолятора находились анархисты. В 10 1/2 утра они по обычному собрались на уборку. Но на этот раз их не пускали. Время затянулость далеко за полдень.

Арестованные стали стучать в дверь и звать надзирателя. И когда прошло еще несколько часов без результатов, арестованные вылили содержимое параши в корридор.

Через час явился начальник изолятора, Шамович допытываться, кто вылил парашу на надзирателя. Ему ответили, что вылито было не на надзирателя, а в корридор и что сделала это вся камера коллективно.

Шамович распорядился наказать всю камеру. Камера ответила голодовкой. Только на 8-й день пришел Шамович и уверял что он снимает со всех наказание. Через пару дней два товарища из этой камерыN6 — Гуревич и Аксельрод были отправлены в Москву в ГПУ, а оттуда на Соловки, *как уголовные*.

В настоящее время в Тобольском политизоляторе

находятся следующие анархисты: Соколов, Лисицын, Беляев, Юисун, Шехтман, Доценко, Дьяков, Лобе, Брайнин, Смолянов, Петросин, Рромов. Список не полный.

В Ярославском политизоляторе.

В последних числах ноября пытался покончить самоубийством посредством самосожжения анархист крестьянин Григорьев. Его товарищи, сокамерники, заметившие в нем некоторую нервность, требовали за несколько недель до этого перевода Григорьева к его товарищу, анархисту Калимасову, который поддержал это требование 7-дневной голодовкой.

Григорьева без сознания вывезли из изолятора в Москву. Его дальнейшая судьба неизвестна.

ГОЛОДОВКИ

Единственным средством добиться того, чтобы арестованные муж и жена были заключены в одном изоляторе — является голодовка. С.р Ладзовский добился этого 17-ти дневной голодовкой, с.-д. Федоров — 17-ти дневной голодовкой. Анархист Покровский и жена его Федермеер тоже голодовкой, первый втечении 22 дней, вторая — 17 дней. Члену сион.-соц. партии Мицнефес, требовавшему того же, известная Андреева заявила: «Откуда я знаю, что она действительно ваша жена? Вот Федермеер доказала это».

СОЛОВКИ ВОЗРОЖДАЮТСЯ.

По расформировании Соловецкого концлагеря для политических, 5 человек политических было оставлено на уголовном режиме. Причины их невывоза на материк до сих пор не выясены. Неоднократные требования этих пяти оставленных, подкрепленные голодовками, ни к чему не привели. Они были оставлены на Соловках до конца срока. Но с течением времени количество политичексих заключенных в Соловках стало увеличиваться. Начали прибывать грузинские социал-демократы, армянские дашнаки, анархисты, с.-р. и др. В настоящее время количество всех политических в Соловках достигло ста человек и продолжает все увеличиваться. Из указанной сотни 30 груз. с.-д., 5 армян. дашнаков, 12 анархистов, с.-р. Сорокин, лев. с.-р. Сперанский и т.д. Общее количество заключенных, обвиняемых в принадлежности к указанным партиям, приблизительно, равно 60. Остальные обвиняются в принадлежности к крестьянскому союзу молодежи (арест. в Москве) и к организации бой-скаутов сионистов-социалистов.

Все эти заключенные не признаны администрацией политическими и находятся в кошмарных условиях. Они расспределены по разным камерам и корридорам, получают уголовный паек и обязаны ежедневно вставать на работу вместе со всеми остальными заключенными.

На этой почве в Соловках неоднократно имели место продолжительные голодовки той или иной группы политических заключенных. Требования всех голодающих одни и те же: вывоз на материк, уравнение в правах со всеми политическими. Голодающего на третий день переводят в большую камеру, где сидят по 100-150 человек уголовных. Делается это с целью помучить заключенного и отбить у него охоту защищать свои человеческие права. По истечении второго десятка дней голодовки, насильно начинают применять искуственное питание; при сопротивлении же избивают. Голодовки политических обычно продолжаются на Соловках *15-18 дней*. В ноябре месяце один анархист голодал *36 дней*, (применяли искусственное питание), и несмотря на это, *требования его не были удовлетворены*. Категорическим образом заявлено было, что о вывозе на материк не может быть и речи. Делаются в ответ на голодовки иногда некоторые мелкие уступки, как напр. освобождают от внеочередных (помимо десятичасового рабочего дня) работ и т. п. Но все это скоро отнимается обратно.

Так постепенно возродился Соловецкий концлагерь для политических.

СООБЩЕНИЯ ИЗ ГУЛЯЙ-ПОЛЯ.

Четыре месяца назад ГПУ арестовало в Гуляй-Поле анархиста Н. Зуйченко и держит его в Запорожской (Александровской) тюрьме без пред,явления обвинения.

В феврале мес. с.г. на всем запорожском окр. в Гуляй-Польском районе и в самом Гуляй-Поле в особенности Г.П.У. произвело массовые аресты активных крестьян под видом кулаков держало их все время перевыборов в советы. По окончании выборов арестованные были освобождены.

«ПРОФСОЮЗЫ — ШКОЛА КОММУНИЗМА»

Это выражение Ленина, брошенное им в момент заигрывания с рабочими организациями, когда диктатура еще не имела всей полноты власти в своих руках и лицемерно напевала сладко-звучные песни о рабоче-крестьянской самодеятельности, о системе советов и фабрично-заводских комитетов. Подобных выражений у Ленина было много. Они обычно бросались им затем, чтобы на другой день поступить в направлении, противоположном их смыслу.

Кому неизвестно, что с 18-го года русские профсоюзы играют чисто декоративную роль в жизни рабочего класса, что все, касающееся рабочих масс, решается компартией, профсоюзы же по необходимости ставят лишь свою подпись над этими готовыми решениями.

Мы уже отмечали (Д.Т. N 19), как председатель Томский на седьмом с,езде профсоюзов 7-го дек. пр. года заявил, что русское профдвижение «нуждается в жесткой руке». Само собой разумеется, что право быть «жесткой рукой» в отношении профдвижения коммунисты считают исключительно за собой. Не будем оспаривать у них право так называться. Оно действительно и теоретически и фактически им принадлежит. Ка-

кой из профсоюзов и кто из рабочих не испытал на себе за последние 10 лет их жесткой руки.

Яркая иллюстрация того, во что превращены профсоюзы в России, дают «Известия» от 25/I-27.

У одного из «красных директоров» города Запорожья возник спор с союзом, осмелившимся потребовать убрать с завода всех кумов и сватов директора, пожиравших остатки разваливающегося завода.

Директор возмущен неклассовой линией профсоюза и в специальном документе предлагает ему прежде, чем критиковать «мероприятия заводоуправления» «исследовать их с помощью диалектического метода Маркса и Ленина». На возражения профсоюза совдиректор отвечает, что союз «являясь школой коммунизма, должен всячески итти навстречу заводоуправлению в деле подхода к организованной промышленности последовательно-социалистического типа». В случае несогласия союза директор грозит: «*я закрываю завод и тем самым мы отдалимся еще на один шаг от социализма*».

Конфликт перенесся в прессу и в результате его было обнаружено, что все спецы, ничем кроме торговли селедкой до сих пор не занимавшиеся, завели себе машины для «прогулок по окрестностям города, и успели сломать несколько машин. Ремонт производили за счет завода».

«Известия» тут же приводят краткую биографию этого директора, управляющего заводом по диалектическому методу Маркса и Ленина и грозящего закрыть завод в случае, если союз будет упорствовать: «Белокурая жена, болонка, кандидатская карточка от 24 года, два молоточка на фуражке с кантами, синее пенснэ, свора лжеспецов, под,емные, суточные, авансы, кутежи, «девочки» и личный секретарь».

К сожалению «Известия» умалчивают и не говорят главного — того, что не в одном Запорожье, а во всем С.С.С.Р. профсоюзы поставлены в столь же унизительное положение. Они находятся в полной зависимости от разного рода «спецов», составлявших в 1918-21гг., главный контингент спекулянтов, а с 1921-22гг., по милости нэпа, ставших владыками промышленности, умеющими приспособить на защиту своих интересов и профсоюзы и методы Маркса и Ленина Таково развитие ленинской школы коммунизма.

«КАРИКАТУРА НА АМНИСТИЮ»

«Ленинградская Правда» от 22 янв. с.г., сообщая о декрете польского президента об индивидуальной амнистии, острит над этим декретом, называя его карикатурой на амнистию. И в самом деле иного названия декрет и не заслуживает. Амнистии подлежат лица, отбывшие две трети тюремного наказания. Приговоренные к пожизненному заключению могут быть освобождены после 15-летнего заключения. Причем вопрос об амнистировании кого-либо в каждом отдельном случае решается министром юстиции. Все это, конечно, не амнистия, а жалкое плутовство польской власти.

Но разве польская власть в этом отношении представляет исключение? Разве власти всех стран не поступают точно таким же образом, т. е. вперед засадив в тюрьму революционный элемент, а потом, делая вид, что милует его, выпуская декреты об амнистии, которые фактически никого не освобождают?

Однако, основная фальшь большевистской остреты не в этом, а в другом. То, что буржуазные правительства загоняют рабочих и революционеров в тюрьмы и играют с ними в амнистии — это не новость. На то они и буржуазные правительства. А вот как с этим делом обстоит у большевиков?

Начиная с 1918 года они стали загонять в тюрьмы всех активных работников социалистического и анархического движения России, не пожелавших уверовать в непогрешимость Ц.К. компартии и подчиниться его диктатуре. Назовем имена А. Барона, Марии Спиридоновой, А. Измайлович и многих других, с юношеских лет посвятивших свою жизнь делу революционного освобождения трудящихся и находящихся в течении 5-8 лет в заключении у большевиков. Постепенно весь свободный элемент рабочего класса России оказался на коммунистической каторге и в течении 8-9 лет пребывает на ней безвыходно (мы уж не говорим здесь о сотнях революционеров, растрелянных в подвалах чека).

Сделала ли большевистская власть в отношении его что-либо, чтобы смягчить его участь, исправить свое злое дело? Нет. Пока что она к оконченному сроку наказания каждый раз добавляет новый срок, превращая, таким образом, срочное заключение в безсрочное.

Да, польская власть проделала карикатуру на амнистию. Но большевикам ли, боящимся выпустить из тюрьмы хотя бы одного революционера, острить по этому поводу? — Поистине, лицемерию их нет предела!

ОТКЛИКИ НА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ПЛАТФОРМУ

Жан Грав о «Платформе».

В издаваемой на французском языке месячной брошюре *Жан Грав* посвятил большую статью «организационной Платформе» Группы Русских Анархистов Заграницей, изданной по французски отдельной брошюрой. Статья эта велика, изобилует большими отступлениями, не имеющими прямого отношения к Платформе, ввиду чего мы печатаем ее в сокращенном виде, помещая при этом все существенное, высказанное автором по поводу платформы. В своейстатье Грав приветствует начинание Группы Русских Анархистов Заграницей и в то же время критически относится к некоторым положениям «Платформы», предупреждая против уклона к централизму. Эти критические замечания и предупреждения Грава основаны, главным образом, на полном

шем недоразумении и в следующем номере Дела Труда в ответ на них, а также на замечания других товарищей будет помещена статья, освещающая неясные или спорные пункты платформы.

Статья Грава называется: «Согласуем наши действия, но не централизуем их». В ней он пишет: «Что касается необходимости организации и установления серьезной и продолжительной связи между анархистами, я совершенно согласен с издателями брошюры (Платформы). То, что верно для русских анархистов, в той же мере верно и для анархистов французских. Я абсолютно согласен с издателями брошюры в том, что касается необходимости анархической организованности. Но несогласен я со средствами достижения этой организованности. Ибо, как и все те, которые им предшествовали в попытке организовать анархистов, они впадают, сами того не замечая, в централизацию и в подчинение меньшинства большинству.

О, товарищи предвидели это возражение и думают на него ответить, утверждая, что «Исполнительный Комитет», который они предлагают, не будет снабжен принудительными директивами, — в пропаганде я не вижу таких принудительных мер, которыми бы его можно было снабдить, — что он будет только играть роль советника для групп, которые в этом будут нуждаться, и исполнять решения групп.

Что если есть большинство и меньшинство и если не найдется никакого средства их примирить, будет сделан призыв к доброй воле меньшинства сделать уступку.

Или «решения будут приниматься конгрессами» «Исполнительный комитет» будет избегать вмешиваться в работу групп, тогда его существование бесполезно, или он не будет играть активной роли. Обязанный исполнять решения конгресса или волю групп, он не преминет доминировать посредством своей активности. Каждый возникающий организм стремится расширяться за счет среды, где он развивается: это фатально.

Обязанный решать он будет иметь решающее слово над способом и темпом работы, которую ему поручат. Это откроет новую эру споров, в которых истощатся усилия.

Группировать людей, знакомить их взаимно с желаниями, их взглядами, действиясми и возможностями — не значит совсем заставить их всех думать и действовать одинаково. Да это в конце концов и бесполезно. Пусть каждый работает над уничтожением злоупотребления, над разрушением предрассудков, над установлением новых лучших отношений между людьми, важно, чтобы действие было направлено на разрушение существующего и подготовку нового. Важно, чтобы каждый работал над реализацией дела, которое себе поставил целью. Работают хорошо и охотно над обязаностями, которые избраны самим индивидом. При условии, конечно, что это разделение труда не дойдет до дробления и чтобы не занимались только своей идеей, как это очень практиковалось у нас. Но чтобы избежать одного зла, не следует впадать в другое.

Ставя во главу федерации «Исполнительный Комитет» или какой-либо другой центр, каково бы ни было его название, наталкиваемся на другую опасность.

Если этот комитет активен, он станет, сам того не желая, направляющим органом. Он поглотит активность других групп. Люди слишком склоны полагаться на других в своих действиях, а иногда и в мыслях. В федерации будет делаться только то, чем захочет заняться центральный комитет, Так дойдет до настоящей централизации, которая иногда может иметь хорошие результаты, но которая приводит к слишком плохому, чтобы мы себе позволили итти по этому наклону.

Эта группа или ее вдохновители, — это опять только несколько лиц, которые приводят в действие остальное — исчезнут и мы анархисты очутимся дезорганизованными как никогда, потому что группы и индивиды потеряют привычку действовать сами.

Нет, никаких исполнительных групп. Пусть зачинщики реализации какой-либо идеи полагаются только на себя самих, окружив себя необходимой помощью, делая призыв к другим инициативам, чтобы им помогали в предпринятом ими деле — но пусть не передают никому заботы действовать на их месте.

Дело, которое нужно выполнить, большое. Есть место для способностей, для всякой доброй воли, нужно только уметь избрать дело, к которому больше всего способен.

Но есть еще один пункт — один из наиважнейших — где авторы брошюры чрезвычайно ошибаются.

Признав, что проблема производства и распределения является наиболее важной для устройства будущего общества, они признали, что эта проблема, может быть решена только революцией и они ее отстраняют для их дела, чтоб заняться созданием революционной армии, когда революция будет проделана, чтоб препятствовать наступлению на революцию со стороны буржуазии. Они не видят, что если анархисты ожидали революции, чтоб заняться этими проблемами — это означало банкротство последней. Неудачные революции, которые мы видели вокруг нас, не удались потому, что победившие революционеры бессильные разрешить эту проблему, были вынуждены разрешить существовать буржуазным экономическим организациям и мало по малу позволили сторонникам старых форм обратно занять место в новом порядке вещей и аннулировать усилия революционеров в реализации идеала, который они считают прекрасным.

Если во время пропаганды революционеры не смогут организовать экономических группировок, способных заместить капиталистические экономические организации, то придется им оставить в живых эти последние или из них создавать все заново. Но кому это нужно? Группировке, которая обязательно должна действовать авторитарно. Тогда это не будет анархической революцией.

И так как социальный организм заново не создается мгновенно, то при той же необходимости, с которой должна была считаться большевистская революция и сделать из революции — революцию только по

этикетке, оставляя существовать капиталистические организации, которые открывают дорогу к более или менее замаскированному возврату старого положения.

Между многими истинами, которые установил Кропоткин, имеется одна, стоящая над всем: чтобы иметь удачу социальная революция должна немедленно принести благосостояния обездоленным.»

Нет ничего более верного. Если она будет сопровождаться еще большими лишениями для рабочих,они скажут: «нечего было трудиться и переворачивать все, чтоб стало еще хуже». Они потеряют интерес к революции, которая им ничего ободряющего не скажет и отвернутся от нее, если такая ситуация без улучшения будет пропродолжаться.

Капиталистическая организация должна быть совершенно разрушена и тотчас заменена экономической организацией, вышедшей из революционных недр, так чтобы производство и распределение не были прерваны ни на миг. Но это не может получаться мгновенно из ничего. Это возможно только тогда, когда революционеры этим займутся во время пропаганды и начнут — по мере возможности — набрасывать базы этих группировок, могущих развиваться в среде новых возможностей и служить оправой для экономической организации, действительно социальной, в том смысле слова, как мы его понимаем.

Без сомнения нужно будет защищать революцию Неоспоримо, что революционеры должны будут остаться вооруженными, пока будет опасность наступления реакции. Но хорошо ли организовывать армию, как бы революциона она ни была?

Не забудем, что это были ветераны республиканских армий, которые доставляли «ворчунов» наполеоновских армий.

С другой стороны, как только не будет видов на интервенцию извне, умно ли играть в солдаты, игра где наши противники наверное более сильны.

Война, которую нам придется вести, это война партизанская, ведущаяся повсюду по необходимости момента, потухающая здесь, чтоб вспыхнуть в другом месте. Революционеры, уходящие к себе когда действие окончено, чтоб взяться за производство, готовые опять взяться за оружие, когда это будет необходимо. Если я верно понял книгу Аршинова, это была тактика Махно, и это единственно подходит революции.

Если бы обстоятельства потребовали армии,это было бы плачевно. Во всяком случае, для этого вопроса будет достаточно времени, когда представится ситуация.

ХРОНИКА

ИТАЛИЯ

КАПИТУЛЯЦИЯ ВОЖАКОВ КОНФ. ТРУДА

2-го февраля группа оставшихся в Италии бывших вождей Конфедерации Труда, опубликовала заявление, в котором она доказывает, что они не отказываются от борьбы за классовые интересы, но что самозащита буржуазии и пролетариата должна иметь свои границы и перед рабочим классом кроме его классовых интересов, стоит также «проблема национальной ответственности». Фашистский режим есть действительность, с которой нужно считаться, а потому следует принять к сведению и фашистский закон о профсоюзах. Что такие «законы» принципиально допустимы эти фашистские ренегаты подтверждают тем, что «нечто подобное принято еще раньше в России».

Неизвестно на какие «законы» намекают эти «вожди», на зубатовские или большевистские; во всяком случае есть действительное сходство с одними и другими.

Заявление подписано 7 лицами, в том числе Анцимонти и Мальоне, бывшими секретарями Конфедерации Труда .

МАЛАТЕСТА У ФАШИСТОВ

(Из письма Малатесты к друзьям).

Я пролежал три недели в кровати по болезни ноги и уже выздоровел; но от чего я никак выздороветь не могу, это от все более возростающего полицейского надзора. Дни и ночи я имею агентов у моих дверей. Они больше не стараются скрываться; они, наоборот, откровенно говорят, что имеют строгий приказ не терять меня из виду. Если я не выхожу, они приходят стучать в мою дверь по самым причудливым мотивам, чтоб убедиться, что я там. Если я выхожу, они следуют за мной повсюду; и если кто-нибудь приходит в мой дом или приближается ко мне на улице, они его останавливают и спрашивают документы».

БИБЛИОГРАФИЯ

Socialismus, Communismus, Anarchismus

Zdenek Lahulek — Faltys. Praha 1923.

Книга хотя и не несет громкого имени известного теоретика, все-же заслуживает интереса и внимания, как со стороны содержания так и изложения. Это скорее руководство, учебник социализма и коммунистического анархизма для народных масс. Ценно в ней выдержанное научное и вместе с тем доступное популярное изложение. Это и не просто излагаемое учение, не сухая критика. Товарищ Лякулек-Фальтыс обсуждает разные течения в социализме с своей точки зрения анархо-коммунизма и идею свою откровенно и убедительно пропагандирует.

Идея анархизма по автору происходит из эгоистической человеческой природы, которая требует для себя *свободы* и отрицает всякое *насилие и авторитет*. Сво-

боду без всякого насилия можно осуществить в одном лишь безвластии — в анархии. Но эта свобода, это бесвлэстие не тождествены с произволом. Они не означают отсутствия всякой дисциплины. Анархический коммунизм, бесвластническое общество осуществляется, когда всякий человек будет *владеть сам собой*, так что анархизм — это собственно самообладание, самоуправление предполагает высокую внутреннюю моральную самодисциплину. Личная индивидуальная автономия, направленная к общественной пользе. Индивидуализ в альтруизме и наоборот, и только при таком взаимоотношении вырабатывается нравственный идеал.

Автор правильно говорит, что это самообладание, нравственная автономия не есть неосуществимая утопия, так как уже в настоящей жизни, в условиях абсолютно неблагоприятных, среди режима, зиждущегося на насилии и грубом эгоизме, осуществляется этот идеал в бесконечном количестве организаций и учреждений, поддерживаемых исключительно порядком жизненных потребностей. Анархизму, так понятому, трудно встретить врагов среди честных, справедливых и разумных людей.

Автор детально излагает, как представляет себе революцию (революция осуществима с помощью генеральной забастовки), но главная задача революции не немедленное осуществление анархического общества. В этом отношении автор скептик и не верит, чтобы одним ударом, одним революционным взрывом сразу построить *новое* общество на совершенно новых началах тогда, *когда люди остаются старыми*. Да и разве сам Кропоткин не подчеркнул значение привычек для выработки известных форм нравственных отношений между людьми. Поэтому и главною задачею революции является завоевание для себя необходимых условий воспитания, дабы возможно было систематически воспитывать поколение новых людей (не забывая и взрослых), которые впоследствии силою воспитательных привычек осуществят идеал своих учителей революционеров.

На такой позиции Лягушек-Фальтыс очень уж прозаически трезв, но к этому привело его изучение историй революций нового века и отдаться наивным иллюзиям Л.-Ф. не может. Анархист его типа не лишен, по моему, симпатичных особенностей: он не есть утопист. Вместо старых предрассудков и догматов,порою религиозного характера, такой анархист не внушает трудящимся веры в какие-то новые, чудотворные формулы и с искренним восхищением своего идеала соединяет холодное, строго логическое обсуждение действительности и возможного. Его позиция в настоящем обществе и среди социалистических стремлений совершенно ясна. Организовать новую психику значит организовать новое поведение, отношение, общество. Воспитанием избавить людей от предрассудков в необходимости власти и собственности во всех ее формах и проявлениях. А параллельно Л.-Ф. предлагает точный план насильственной революции, обдуманный необыкновенно тщательно и трезво. Упрочить и закрепить революцию хочет автор параллельным перевоспитанием людей. Таков его основной мотив работы. Конечно, можно представить себе анархизм более «бурный», радикальный, чем излагаемый в книге Лягулек-Фальтыса, но он развивает анархизм более реальный, от которого можно бы ожидать пользу для идеалов и целей, которым служит. Содержание отдельных глав следующее:

1. *Социализм.* Автор дает определение социализма и его задач.

2. *Источники человеческого бедствия.* Глава содержит доказательства, что все бедствия в мире от государства во всякой его форме.

3. *Государство.* Весьма убедительное и наглядное изложение зловредного влияния всех государств.

4. *Государственный социализм и социалистическое государство.* В этой главе автор критически разбирает идеологию марксизма, 2-го и 3-го интернационалов и их тактику. Дает также краткий очерк истории всех интернационалов.

5. *Идеал анархизма.* Знакомя читателя с анархизмом удачно опровергает целый ряд возражений против анархизма.

6. *Возражения против коммунизма.* Здесь автотр занимается целым рядом вопросов и возражений, с которыми чаще приходится встречаться у врагов или просто скептиков анархизма.

7. *Возражения против анархизма.* Эта и предыдущая главы составляют настоящую и можно сказать самую полную защиту анархического идеала и учения от его врагов.

8. Отношение мужчины к женщине. *Половой вопрос в настоящем и будущем.*

9. *Алкоголизм.* Своевременно старается обратить внимание на этот вопрос не второстепенного значения для решения социальной проблемы.

10. *Путь к осуществлению целей.* Без сомнения самая интересная из всех глав его книги. Автор с возможной об,ективностью и ему присущей строгой трезвостью обсуждает все известные теории и тактики по осуществлению идеала экономической и политической справедливости. Задумывается над выработкой плана революции, о котором кстати сказать сдешние и самые заклятые марксисты должны были написать, что «мысли автора замечательны».

11. *Научное обоснование анархизма и коммунизма. Заключение.* Автор уясняет читателю сочинения теоретиков анархизма, особенно Кропоткина, последователем которого и является сам.

К. С.

P. S. Во второй части реферата подчеркнуты заглавия глав, как они звучат в его книге. Книга имеет 135 страниц.

К БОЛГАРСКИМ АНАРХИСТАМ-КОММУНИСТАМ ЗАГРАНИЦЕЙ

Недавние события в Болгарии были катострофическими не только для болгарского народа вообще, но в частности также и для нашего движения.

Самая кровавая реакция, которую до сих пор знал мир, опустошила страну. Весь народ раздавлен железным каблуком военной диктатуры. Торжествующий фашизм встал на некоторое время барьером на пути трудовых масс, стремящихся к полному овсобождению.

Болгарское анархическое движение понесло неисчислимые жертвы. Сотни наших товарищей были убиты. Сотни были арестованы. Сотни, наконец, принуждены были эмигрировать за границу. Анархическое дело и пропаганда не имеют никакой возможности развиваться в стране.

Мы разбиты, хотя не признаем себя побежденными. Но наше поражение есть внезапная переполох меньшинства, раздавленного организованной силой власти и насилия. Идеологически мы остаемся твердо, как никогда, на наших позициях. И мы должны на них держаться, так как только анархизм указывает верную дорогу к освобождению трудовых масс.

Кровавая диктатура болгарских генералов и профессоров будет низвергнута не парламенской игрой или неудачным государственным переворотом, а единственно народным восстанием, прелюдией социальной революции, которая добивается разрушить самую власть. Впрочем последние события дали в этом отношении верный урок болгарскому пролетариату, который еще не совсем освободился от иллюзий властнической революции.

Наше движение восстанет из праха и снова примет на себя освободительную роль. Но, чтобы выполнить задачи, которые ей выпали надолю как идеологическому движению, оно нуждается прежде всего в основательной ориентации, и затем в солидной организации.

Нам нужно оправиться от ударов, которые мы получили и, оценивая уроки прошлого, наметить неотложные задачи.

Жгучей потребностью является также создание журнала на болгарском языке. Орган, который с одной стороны поможет выработке этой ориентации, осветив последние события в Болгарии, а с другой стороны, об,-единив наши силы, даст импульс для организации нашего дела и его продолжения в Болгарии.

Такой орган заполнит пробел в нашем движении как заграницей, так и в Болгарии. Он будет нашей трибуной, необходимой для обсуждения бесчисленных вопросов, стоящих теперь перед анархическим движением вообще. И несмотря на то, что это будет журнал, предназначенный скорее для нашей собственной среды, чем для широкой пропаганды, он будет тем не менее мощным средством для облегчения и укрепления нашей пропаганды.

Естественно, создание подобного органа может быть делом только соединенных усилий всех анархо-коммунистов. Мы обращаемся ко всем нашим товарищам, рассеянным по разным странам, прося их моральной и материальной поддержки.

Мы все, эмигранты за границей, как потерпевшие кораблекрушение, которые бурей выброшены на незнакомый берег. Но все наши надежды, все наши стремления и наши усилия должны быть направлены на восстановление нашего молодого движения, которое как никогда, нуждается в нашей работе. И мы ему предоставим все наши силы — каждый по своей возможности.

Мы обращаемся с горячим призывом ко всем болгарским анархистам-коммунистам, находящимся за границей, притти нам на помощь. Мы надеемся, что наша инициатива встретит необходимые симпатии со стороны всех наших товарищей, чтоб смочь общими усилиями создать наш орган возможно скорее.

Все что касается журнала должно быть адресовано в Librairie Internationale Sociale (pour le journal bulgare), 72, rue des Prairies, Paris (20) France.

Группа болгарских анархистов-коммунистов в Париже.

К ДРУЖЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ СОЕДИЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

«Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России» г. Детройта, с целью пропаганды антигосударственных идей, вошло в соглашение с тов. Ш. Маркусом, об устройстве лекционного тура на английском языке, по всем городам Соединенных Штатов и Канады, где только товарищам удастся устроить одну или несколько лекций.

Товарищ Маркус совершает тур на совершенно добровольных началах, лишь получая на железнодорожные расходы между городами. Все средства, собранные во время лекций и дебатов, пойдут в пользу заключенных и ссыльных анархистов России и других стран.

Темы лекций:

1. Личность и общество.
2. Государство и рабство.
3. Анархо-коммунизм и индивидуалистический анархизм.
4. Можно ли преобразовать современное общество?
5. Свободомыслие в мировой литературе.
6. Анархизм в русской революции.
7. Почему существуют политические заключенные в России?
8. Может ли наказание уничтожить преступление?
9. Анархизм и рабочее движение.

Мы рекомендуем товарищам всех городов, где будут даны лекции, в число там вставить одну: «Почему в России есть политические заключенные?»

Во всех городах, где только возможно будет устроить дебаты с большевиками, тов. Маркус готов будет встретиться с их оратором по следующим двум важным вопросам: «Потерпела ли революция в России поражение?»

«Являются ли все политические заключенные в России контр-революционерами?»

Все организации и отдельные товарищи, желающие устроить лекции или дебаты, должны списаться не позже 10 марта по адресу: M. Iananko, 1461 Sheridan Ave Detroit, Mich. Желательно, чтоб города, расположенные вблизи Нью-Иорка, списались заранее.

С тов. приветом Общество Пом.Полит. заключ. и ссыль. в России г. Детройта.

Секртарь *А. ДОМОВ*

РОЧЕСТЕР

На деловом собрании «Союза Самообразования» г. Рочестера, состоявшемся 2-го февраля, было решено отчислить из кассы организации 17 дол., распределив их следующим образом: 5 дол. для заключенных анархистов в России, 5 дол. в пользу анархического органа «Дело Труда» и 7 дол. в фонд издания анархической газеты в Сев. Америке.

Секр. Л. Лазарев

ОТЧЕТ

в средствах, поступивших для заключенных в России анархистов с 27 марта 1925 г. по 15 марта 1927 г.

ПРИХОД

27-III от союза Об,един. анарх. С. Ам. и Росс. Труж. — 55 дол.
28 авг. через Беркмана —10 шилл.
Апрель 1926 г. от Фед. Сев. Америки — 40 д.
19 июля 1926 г. от итальян.тов. С. Ам. через Гуго 1367ф.
Сент. 1926 г.от Балтим. орг. Ан-ком. — 10 дол.
Ноябрь 1926 г.от тов. Христова из Аахена — 2 дол.
« » от польск. тов. — 2 злот.
19 дек. 1926 г.От Союза Российс. Труж. г. Юнгстона(подп. лист) — (26 дол) 673.50ф.
Янв. 1927г. от Союза Российс. Труж. г. Монтреала (подп. лист) (16 дол.) 381.50с
Янв. 1927 г. от тов. Медынича — (6 дол.) 130 фр.
Февраль 1927 г. от Детройтского О-ва Пом.(Полит. Закл. и ссыльным в России (145 д.) 3661.25 фр.
Февраль 1927 г. от т. Семенова и М. Р. из Петалумии— (10д.) 285 ф.
Февр. 1927 г. от Общ. Самообразования г. Рочестера через т. Лазарева — (5д.) 122.50 фр.
Всего прихода 107 д. 1/2 анг. ф. 6620,75 фр. 2 зл.
Размен 1200 фр. — 48 дол.
Приход:155 д. 1/2 анг. ф. 2 зл. 5420,75 фр

РАСХОД

2 апр.-25 г. отправлено в Россию через т. Стаймер (с пересылкой) — 35 д. 25 фр.
7 апр. 1925 г Закл. в Польше рус. анар. — 10 дол. 2.30
« т-щу Махно — 10 дол.
14 апр. выдано через т. Шазова Пар. Комит. Защиты для организ. кампан. в пользу заключ — 50 фр .
11 июля 1925 г. заключ. рус. анарх.в Польше — 10д.2.30
18 июля 1925 г. закл. т-щам в Россию — 15 д.30 фр.80с.
28 авг. 1925 г.закл. т-щам в Польшу — 2 фр. 1/2 анг.ф.
13 сент. 1925 г.отправлено закл. в Росс.т.—10д. 16.50ф
Апрель 1926 г.в Россию закл. анар. — 40 дол.
13 авг. 1926 г.в Россию закл. анар. (120 шв. фр.)790ф.50с.
Окт. 1926 г.в Россию закл. анар. 10 д. 17,75 фр.
30 дек. 1926 г.в Польшу закл. анар. — 5 д. 2зл. 4 фр.
30 дек. 1926 г. в Россию закл. т-щам — (10 д.) 273фр.60с.
Янв. 1927 г.В Россию закл. анарх. — 5д. 549 фр.
Март 1927 г. в Россию закл. анар. (100 руб.) 1400 фр.5 д.
Итого расхода: 155 д. ½ анг. ф. 2 зл.3163 фр.75 с.
Приход:155 д. 1/2 ан ф. 2 зл. 5420ф.75 с.
Расход: 155 д. 1/2 ан. ф. 2 зл. 3163 фр.75.
Остаток — 2257 фр.

ОТЧЕТ

Группы Русск. Анархистов Заграниц от 15ян. до 1 марта

Приход.

От Балтиморс. группы через т. Мазур (22 д.) 628, 50 фр.
(Из них 2 д. от тов из гор. Me Eees Rocks pa)
От тов. Семенова для «Д.Т» — (1 д.)29,15 фр.
От Союза Рос. Тружен. г. Юнгстона Огио (15 д.) 375 фр.
От Детройтс. орган. анарх.- ком. для «Д. ТР.» (15 д.) 378,75 фр.
От тов. Рыскина — 9 фр.
От Детройтской группы через т. Гоголя — 5 дол.
От т. Ферас-Лондон — 1 анг. фунт
От Общ. Самообразования г. Рочестер через т. Лазарева —(5 д.) 125 ф.
От т. Николая за «Орг. платф.» — 10 фр.
От тов. Шакулы для «Д. Т.» — 5 дол.
От т. Ф-н — 23 фр.
От Союза Рос. Труж. Юнгстона — 10 дол.
От Федер. Анар. Сев. Амер. — 10 дол.
Размен 5 авст. шил. — 17,40 фр.
Итого прихода: 1 анг. ф. 1595 фр. 80 с. 30 дол.
Размен 1 ф. — 124 фр.
Размен 30 дол. — 750 фр.
Всего за размен — 874 фр.
Итого: 2469фр. 80 с.

Расход

Банковские расходы по получению денег — 23,15 фр.
Покупка книг для писем — 31 фр.
Корреспонденция — 50 фр.
Экспедиция — N20-21 «Д.Т.» — 273,90 фр.
Уплочено в типографию (в погашение долга за N20-21) — 2091 фр. 75 с.
Осталось долгу за N20-21 — 1108фр. 25 с.
Не уплочено за N22 — 1600 фр.
Всего дефицита — 2708 фр. 25 с. (108 дол.)

Отчеты «Общества Помощи Политзаключ. и ссыльн. анархист. в России» г. Детройта за недостатком места не могли быть помещены в этом номере и будут напечатаны в следующем номере. (Ред.)

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris